

Сергей РАЗИН

РОССИЙСКАЯ МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ИМПЕРСКИЙ МИФ В ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Совсем недавно прошли очередные юбилеи русской революции. Они явились поводом для того, чтобы снова попытаться понять её уроки и значение для современной России. Актуальность обращения к вопросу о роли многопартийности в русской революции обусловлена сохранением в современной России глубинных причин, перманентно порождающих «смутные времена» в отечественной истории, устойчивостью имперского массового сознания, происшедшими в последние годы на постсоветском пространстве «бархатными революциями», вызвавшими новый всплеск внимания к вопросу о природе и механизмах массовых социальных движений.

Особо хотелось бы отметить, что сейчас, как и сто лет назад, одной из главных особенностей российского социума является провоцирующий смуту разрыв коммуникаций между управляющими и управляемыми, которые, как и в начале прошлого века, живут в разных социокультурных измерениях. На наш взгляд, подлинное понимание русской революции и современной политической истории России невозможно без реального представления о месте и роли отечественной многопартийности в российском политическом процессе.

Сегодня многие исследователи сходятся в том, что не только партия большевиков, за которой в советской историографии был закреплён статус партии «нового типа», но и вся российская многопартийность начала XX в. являлась уникальным, «почвенным» явлением¹. Её роль принципиально отличалась от той роли, которую играла многопартийность в странах Запада.

На Западе политические партии формировались и функционировали как связующее звено между гражданским обществом и государством. Российские реалии были иными. Идеократическая империя, которой Россия оставалась в начале прошлого столетия, и гражданское общество онтологически несовместимы. Бытие одного означает небытие другого. Кроме того, одна из основных функций, которую выполняют партии на Западе, состоит в переносе конфликта интересов в локальную политическую систему, в рамках которой существует возможность для поиска и реализации консенсуса. Здесь аналогии между Западом и Россией начала прошлого столетия также невозможны. Конфронтационность, восприятие оппонента как врага, а политики как борьбы до полной победы, до полного уничтожения всех врагов всегда являлись характерными чертами российского политического процесса. Автор солидарен с теми исследователями, которые считают, что участие в революции народных масс России определялось не осознанными политическими интересами, а ценностями², нормами их имперско-общинного сознания, находившимися за пределами политики в её традиционном понимании. На наш взгляд,

¹ См., напр.: Модели общественного переустройства России. XX век. — М., 2004, стр. 488.

² Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М., 1997, стр. 370. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность, 2001, № 2, стр. 97.

российский социум, как в начале XX в., так и сейчас, характеризуется сосредоточением всей власти и всех прав в руках «верховного суверена», монологическим характером отношений между властью и обществом (подданными), отсутствием политики как публичной сферы, в рамках которой происходит диалог равноправных участников политического процесса и в которой, согласно политологическим канонам, и должен решаться главный политический вопрос — вопрос о власти. И власть, и массы в таком обществе находятся вне политики и вне права. В определённом смысле можно говорить о том, что «неполитичность», «непубличность», сакральность верховной власти обусловила неполитический характер социальной борьбы народных масс России в эпоху русской революции.

Анализ документов и материалов Самарской, Симбирской и Саратовской губерний, относящихся к периоду 1905—1907 и 1917 гг., подтверждает эти мысли. Он показывает, например, что в ходе первой русской революции в период наибольшего развития работы партий на селе (первая половина 1906 г.) в Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях происходило ослабление крестьянского движения. Наибольшей остроты крестьянское движение достигло в ноябре 1905 г., и связано это было отнюдь не с работой политических партий, которая в этот период времени практически не велась, а с достаточно традиционным для крестьян толкованием Манифеста 17 октября, который с их точки зрения даровал «волю» и санкционировал «чёрный передел». Так, например, лидер симбирских большевиков В. Рябиков приводит в своих мемуарах следующий случай, происшедший с одним из его коллег по организации летом 1905 г.: «В июле этого года Черномордик посетил село Нагаткино и выступал там с агитацией против войны, за захват земли и за созыв Учредительного собрания. Крестьяне очень одобряли земельный захват, но насчет войны некоторые из них высказывались так, что не мужицкое это дело, а дело начальства»¹.

Какова же была реальная роль отечественной многопартийности в русской революции?

По нашему мнению, ключ к разгадке тайны российской многопартийности следует искать в имперском мифе, представляющем собой систему норм, идей и представлений, которая на протяжении столетий являлась и является ценностно-смысловым фундаментом Российской идеократической империи. В имперском мифе выражена иррациональная, метафизическая сверхзадача, заключающаяся в реализации божественного замысла о человеке и мире, в установлении торжества трансцендентного Должного².

Полной противоположностью имперского мифа являлись идеологии меньшевизма и либерализма. Современный исследователь С.Н. Гавров справедливо замечает: «Мечта об осуществлении Царствия Божьего на земле, достижении полного и окончательного счастья не только превосходит, но и противоречит задаче либеральной модернизации с целерациональностью, секулярностью, демократическими процедурами, противостоит самой парадигме постепенного улучшения мира. Процессы модернизации разворачиваются в горизонтальном измерении мира, в сфере Сущего»³. Рационализм, являвшийся базисом либерализма и социал-демократизма, был несовместим с иррационализмом, мессианством и эсхатологизмом имперского мифа.

Все эти черты наглядно проявлялись в политической практике меньшевизма и русского либерализма. Наглядным примером этого является тот факт, что меньшевики, в отличие от большевиков, рассматривали социалистическую революцию как перспективу далёкого будущего. Ленинскую и троцкистскую теории революции они называли «утопией захвата власти революционерами»⁴.

Имперский миф предопределяет политический изоляционизм империи и одновременно её потенциальный «космизм». Европоцентризм либералов и меньшевиков следует рассматривать как полное отрицание «космизма» и политического изоляционизма империи. В сознании политических западников начала XX в. собственный народ из «народа-богонос-

² См. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М., 2004, стр.44—46.

³ Гавров С.Н. Указ. соч., стр. 176.

⁴ Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. — М., 2002, стр. 166.

¹ 1905 г. в Симбирске. — Симбирск, 1925, стр. 40—41.

ца» превратился в одного из аутсайдеров мировой истории. По мнению меньшевиков, русские крестьяне, составлявшие громадное большинство нации, отличаются «традиционной аморальностью»¹. Их жизнь — это историческое небытие. Для русских либералов, которые ещё в годы первой русской революции устами И. Петрункевича заявляли о том, что они должны «внести свет и смысл в движение масс»², русский народ — это «какая-то другая низшая раса»³. Эта позиция фактически предопределила то отношение к этим политическим силам, которое сформировалось в массовом сознании в ходе революции. В глазах масс либералы и меньшевики стали врагами империи, врагами революции, врагами народа.

Большевизм, в котором идея мировой революции совмещалась с идеей построения социализма в одной отдельно взятой стране, воспроизвёл универсализм и политический изоляционизм империи. Ленин и его сторонники воссоздали характерное для имперского мифа представление об особой роли народных масс России в мировой истории. Для Ленина и его сторонников крестьянство — это «именно та переменная величина, которая определит исход»⁴.

В структуре имперского мифа важное место занимает мифологема врага. Исполняя метафору Т. Гоббса, можно сказать, что русская революция была войной всех крестьянских и рабоче-крестьянских масс против всех, кого они считали своими врагами. Проявлением мифологемы врага является существовавшее в крестьянской среде негативное отношение к интеллигенции, к «образованным», проявлявшееся тогда, когда крестьяне в них самих и в их действиях видели опасность разрушения веками существовавшего миропорядка. Тогда интеллигенты, агитаторы, «оратели» превращались в «бар», «жидов», «буржуев», «смутьянов».

Крестьянскому отношению к интеллигенции и к порождённой ею многопартийности было созвучно отношение

большевиков к своим политическим противникам. Большевики периодически воевали со всеми остальными «городскими» партиями, тем самым воспроизводя мифологему врага на уровне партийной борьбы.

Особую роль в системе имперского мифа играют представления о роли и функциях верховной власти. Верховная власть в рамках имперского мифа предстает как земной образ идеального Должного⁵, как субстанция, имеющая сакральный характер, которая, прежде всего, является регулятором вертикальных связей между миром Должного и миром Сушего.

Традиционалистские представления о власти стали одним из важнейших факторов, определивших ход и исход русской революции. Так, например, главной причиной резкого усиления крестьянского движения осенью 1905 г. стал Манифест 17 октября. Согласно крестьянским представлениям, «хозяин земли Русской» «даровал волю» и санкционировал «чёрный передел». Крестьянское понимание причин смуты было вполне в духе тех представлений о власти, о которых написано выше.

Полной противоположностью имперскому мифу были представления о власти российских либералов и меньшевиков. В основании политико-правовых доктрин либерализма и меньшевизма лежали онтологические принципы, сформировавшиеся в рамках европейской рационалистической философии. Либералы рассматривали власть как правовую, юридическую категорию, исходя из идей верховенства закона и разделения властей. Меньшевики тот же самый вопрос решали с позиций ортодоксального марксизма, характерными чертами которого являлись экономический детерминизм и классовый подход. Они считали, что самодержавие должно быть свергнуто, и в России должна быть установлена демократическая республика. При этом власть должна перейти в руки буржуазии. Тем самым западники снижали «возвышенный образ Власти, переводя её из сферы сакрального в сферу профанного»⁶.

Русские либералы являлись ярыми сторонниками введения конституционного правления. Так, например, самарский октябрист В.Н. Львов считал, что «кон-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 275, оп. 1, д. 12, л. 18.

² Цит. по: Леонтович В.В. История либерализма в России 1762—1914 гг. — М., 1995, стр. 419.

³ Милоков П.Н. История второй русской революции // Российские либералы: кадеты и октябристы. — М., 1996, стр. 103—104.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 24.

⁵ Гавров С.Н. Указ. соч., стр. 65.

⁶ Гавров С.Н. Указ. соч., стр. 187.

ституционная монархия, основанная на доверии царя и народа», и «свобода, поставленная в рамки закона», — это два главных принципа, которыми его коллеги по партии должны руководствоваться в своей деятельности¹.

В свою очередь, большевистский вожизм, большевистские идеи «самодержавия народа», «демократического централизма», «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», «диктатуры пролетариата», «власти Советов» были созвучны тем представлениям о власти, которые являлись частью имперского мифа. Здесь же необходимо отметить ещё один немаловажный, на наш взгляд, момент, который заключается в том, что для политических противников большевизма в той или иной степени была характерна идейная и организационная разобщённость, выражавшаяся в периодических расколах, наличии различных фракций, течений, групп, направлений и т.д. Этот идейный плюрализм и отсутствие централизованной партийной организации противоречили монолитности и монологизму империи. В то же время монолитность и монологизм большевистской партии им соответствовали. Эти созвучия и соответствия резко повышали шансы большевизма на победу в имперской революции, способствовали закреплению в массовом сознании представления о «легитимности» и обоснованности его претензий на имперский трон.

Существовавшие в массовом сознании представления о роли и функциях верховной власти неразрывно связаны с мифологемой земли. Мифологему земли можно назвать важнейшим системообразующим элементом имперского мифа, в котором переплелись православные и языческие мотивы. Для отечественной ментальности характерен синкретизм понятий «земля», «страна», «государство», «Родина», «Отечество». В православии русская земля — это «Святая Русь», «Третий Рим». В язычестве — мать-сыраземля. В интерпретациях советского периода — «первая в мире страна победившего социализма», «Родина — мать».

Мифологема земли стала ментальной основой крестьянского обычного права

и предопределила его принципиальную несовместимость с юридической категорией частной собственности, в рамках которой различаются владение, пользование и распоряжение. В крестьянском сознании продажа земли в частную собственность рассматривалась как святотатство. Крестьяне считали, что тот, кто не работает на земле, не может быть её собственником. Эти представления безраздельно господствовали в крестьянском сознании в революционную эпоху.

К сожалению, политическая элита России начала XX в. не видела и не понимала глубинных ментальных оснований крестьянского вопроса. Документы и материалы того времени дают нам ясное представление о том, насколько популярными по отношению к крестьянскому сознанию были представления либералов и меньшевиков о путях и методах решения земельного вопроса. Будущий министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарёв, выступая на заседании II Государственной думы, назвал переход всей земли в руки народа «величайшим несчастьем»². Патриарх российской социал-демократии Г.В. Плеханов, упрекавший Ленина в том, что он «смотрит на национализацию (земли) глазами социалиста-революционера»³, называл лозунг национализации «антиреволюционным требованием»⁴.

В свою очередь, большевики увидели в крестьянском вопросе ту дорогу, которая ведёт к имперскому трону. В результате анализа событий 1905–1906 гг. у Ленина рождается «новая» для РСДРП и тогдашней европейской социал-демократии (и одновременно «старая» для русской революционной традиции) оценка роли крестьянства в революции. Он приходит к выводу, согласно которому русская революция «победоносной ... может быть только как крестьянская аграрная революция»⁵.

Эта оценка роли крестьянства обозначила разрыв Ленина с европоцентризмом меньшевиков и западной социал-демократии. Она положила начало становлению ленинизма как гибкой, волюнтаристской модели революции. Ленин выдвигает

² См. Ленин В.И. Там же, т. 16, стр. 360.

³ Модели общественного переустройства России. XX век. — М., 2004, стр. 49.

⁴ См. Ленин В.И. Там же, т. 16, стр. 305.

⁵ Ленин В.И. Там же, стр. 407.

¹ Львов В.Н. Программные речи и статьи в Самарском отделе «Союза 17 октября». — М., 1907, стр. 4–9.

лозунг национализации земли, который, как и эсеровская «социализация», по сути дела, являлся наукообразным выражением крестьянских требований. Согласно Ленину, русская революция «не может выполнить целиком своей исторической миссии без национализации земли»¹. Этот «творческий подход» к марксизму, впервые продемонстрированный Лениным в ходе «генеральной репетиции Октября», резко расширил политическое поле большевистской партии и стал главным её преимуществом в борьбе со своими политическими противниками в 1917 г.

Отечественную многопартийность, само существование которой противоречит глубинным ментальным основаниям идеократии (прежде всего, идее «соборности» как неотъемлемой части имперского мифа), следует рассматривать как один из важнейших элементов, признаков системного кризиса российского общества. И в начале, и в конце XX в. отечественная многопартийность сыграла разрушительную роль «политической» и идеологической антисистемы, которая не могла быть и не была олицетворением альтернатив развития социума, о которых так много говорилось и говорится в современной историографии и публицистике, а воплощала в себе лишь различные методы и способы уничтожения отжившей свой век формы российского имперства. Используя выражение А. де Токвиля, практически про все политические партии России XX в. с большим основанием можно сказать, что они были «великими партиями», для которых принципы важнее последствий, к которым «может привести следование этим принципам»².

Пограничность, переходность современного российского общества, существ-

вующая перспектива имперского ренессанса обуславливают «беспочвенность», «неукоренённость», химеричность отечественной многопартийности, которая сегодня представляет собой аморфное формально-институциональное образование, не имеющее опоры в массовом сознании и существующее сегодня во многом потому, что она является мифом, инструментом, который власть искусственно поддерживает и использует для решения определённых политических задач. Выражением аморфности, химеричности российской многопартийности является отсутствие системы политических партий. Возрождение империи в её новой форме, на наш взгляд, неминуемо приведет к ликвидации политического и идеологического плюрализма, несовместимого с имперским мифом, к ликвидации аморфной отечественной многопартийности. Убедительным подтверждением этого тезиса является исторический опыт русской революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры, которая оказалась возможной потому, что большевики предложили адекватные массовому сознанию модели власти, модели социального поведения, сформулировали новый, квазирелигиозный вариант мессианской идеи, вернули народным массам России утраченное чувство причастности к событиям вселенского масштаба, предложили им сегодня и сейчас, в соответствии с их традиционалистскими представлениями, решить все самые злободневные вопросы русской жизни и осуществить скачок в «земной рай» социализма. Благодаря этому большевизм смог выйти за рамки формальной партийности, стать «головным выражением национальной стихии» и одержать победу в русской революции³.

³ Троцкий Л. Д. О Ленине // К истории русской революции. – М., 1990, стр. 211.

¹ Ленин В. И. Там же.

² Токвиль А. Демократия в Америке. – М. 1992, стр. 144.